

Recensiones

Рецензии

Д. Е. Алимов

Mužić Ivan. Hrvatska povijest devetoga stoljeca. Split: Naklada Bosković, 2006. (Biblioteka povjesnice Hrvata; 3). 263 s. ISBN 952-263-020-1

В истории Европы IX столетие отмечено событиями, сыгравшими не последнюю роль в складывании современной этнической, политической, конфессиональной и культурной карты этой части света. Среди важнейших процессов, протекавших в данную эпоху на территории центральной части Европы, следует отметить этногенез, формирование государственности, христианизацию и обусловленную этим последним процессом интеграцию в культурную сферу Рима или Константинополя. Подобными тенденциями определялась и хорватская история этого периода. Новая книга хорватского ученого Ивана Мужича «Хорватская история девятого столетия» посвящена именно этой сложной проблематике. Несмотря на столь общее название, содержание книги показывает, что ее автор не стремился к простому обобщению имеющихся к настоящему времени научных знаний об историческом развитии Хорватии. И. Мужич сконцентрировал внимание на проблемах ранней хорватской истории, доньше остающихся спорными, кроме того, во многих случаях он указывает на существенные недостатки их решений, казалось бы, уже довольно прочно вошедших в историографию.

Автор начинает свою книгу с обширного введения, в котором последовательно рассматривает этническую историю западной части Балканского полуострова в эпоху поздней античности и раннего Средневековья, давая основанные на результатах новейших исследований характеристики этнокультурного облика автохтонного населения хорватских земель,

а именно иллирийских этнических общностей яповов, либурнов, далматов. Как известно, в историографии последних десятилетий распространенное представление о почти полном исчезновении автохтонного населения, именуемого в античных источниках иллирийцами, из занятых славянами областей западной части Балканского полуострова подверглось ревизии, обусловленной, главным образом, результатами активно проводившихся археологических раскопок. Присутствие автохтонов на территории бывшей римской провинции Далмации к моменту прихода славян, как и тесное взаимодействие автохтонного и пришлого населения к настоящему времени без особых колебаний признается учеными. Однако И. Мужич идет гораздо дальше, утверждая, что именно далматинские автохтоны составили наиболее многочисленный этнический элемент из тех, какие участвовали в сложном процессе формирования этноса балканских хорватов. Этот важный тезис автор отстаивал и в ряде других своих работ, в частности в специально посвященном роли автохтонного элемента в хорватском этногенезе фундаментальном труде «Хорваты и автохтонность», первое издание которого вышло еще в далеком 1989 году¹. В новой книге автор значительно расширяет аргументацию своей теории, активно используя, помимо письменных источников, результаты археологических раскопок, этнографических, антропологических исследований, а также — и это следует подчеркнуть особенно — результаты исследований в области генетики, которые лишь относительно недавно стали важным элементом в дискуссии о хорватском этногенезе. Автор утверждает, что «этнический элемент автохтонов остался несравнимо большим по отношению ко всем тем, которые переселились на территорию римской Далмации» (S. 55).

Едва ли стоит особо подчеркивать, что нарисованная И. Мужичем картина соотношения этнических элементов на территории бывшей римской провинции Далмации, прежде всего, автохтонов и славян, способна в корне изменить наше представление о ключевых процессах ранней хорватской истории. Если степень участия автохтонов в хорватском этногенезе действительно была столь велика, то, конечно, следовало бы иначе, чем это виделось прежде, в том числе таким корифеям хорватской медиевистики, как Ф. Рачки, Ф. Шипич, Н. Клаич, рассматривать христианизацию хорватов, складывание хорватской государственности, формирование самобытной хорватской культуры и т. д. Вместе с тем выводы И. Мужича едва ли можно адекватно оценить, не приняв в расчет основанные на результатах новейших исследований концепции взаимодействия автохтонов с пришлым населением в других регионах Европы, на что справедливо обратил внимание автор предисловия к книге — Д. Дзино². Интересно отметить, что трактовка И. Мужичем процесса хорватского этногенеза отчасти приближается к появляющимся в современной историографии попыткам базирующегося, главным образом, на результатах археологических исследований концептуального переосмысления сущности процесса так называемого «расселения» славян на Балканах³. При этом, однако, следует особо подчеркнуть, что выводы никоим образом не являются результатом применения к хорватской ситуации разработанных на ином материале концепций, но, напротив, всецело исходят из анализа конкретного хорватского материала. Возможно, более широкое использование сравнительно-исторического материала сделало бы концепцию исследователя не такой «революционной» в глазах читателя, мало знакомого с ситуацией в других регионах Европы. Однако, как нам представляется, в ограничении рассмотрения

¹ См. новое дополненное издание: *Muzic I. Hrvati i autohtonost*. Split, 2001.

² *Dzino D. "Biti", "Činiti" i "Znati": Multietničnost hrvatskog identiteta u ranom srednjem vijeku. (Predgovor) // Mužic I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća*. Split, 2006. S. 9–19.

³ См.: *Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region*. Cambridge, 2002. P. 500–700.

проблемы взаимоотношения автохтонного и пришлого элементов пределами Далмации, позволившем автору максимально полно учитывать специфику этнокультурной истории этого относительно небольшого региона, заключена как раз сильная сторона труда И. Мужича.

Расселение славян в Далмации И. Мужич ставит в тесную связь с обстоятельствами готского владычества на этой территории. Основные письменные источники, на которые при этом опирается исследователь, — это Летопись попа Дуклянина, латинская редакция которой относится к середине – второй половине XII в., и относящаяся к середине XIII в. «История архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского. Детально проанализировав рассказ Хроники Фомы Сплитского о происхождении хорватов, И. Мужич дает исчерпывающий ответ на вопрос, какой самому хронисту виделась картина хорватского этногенеза. Закономерен, однако, вопрос: в какой мере нарисованная жившим в XIII веке хронистом картина является отражением реальных событий раннего Средневековья? Согласно преобладающему в современной историографии мнению, изображенная в Летописи попа Дуклянина и Хронике Фомы Сплитского картина хорватского этногенеза является плодом соединения их авторами сведений разных источников и разновременных традиций, одной из которых (позднейшей и не имеющей под собой реальных оснований) было отождествление славян (хорватов) с готами. И. Мужич решительно возражает против подобной трактовки, указывая на то, что изображаемая в названных источниках тесная связь славян с готами почти полностью согласуется с тем, что нам известно об этом времени как из более ранних письменных источников, например свидетельств Проккопия Кесарийского о подчинении балканских готов византийцам и о славяно-готском взаимодействии во времена борьбы с Византией готского вождя Тотилы, так и из материалов археологических раскопок. В этом смысле позиция И. Мужича отчасти приближается к одному из вариантов так называемой «готской теории» происхождения хорватов, сторонники которой видели в свидетельствах Фомы Сплитского и Дуклянского Летописца отражение реальной связи славян и/или протохорватов с готами, которые, как известно, некоторое время господствовали в западнобалканских землях, составлявших часть территории Остготского королевства⁴. Наиболее сомнительным вариантом «готской теории» является, конечно, объявление готами самих хорватов, обусловленное весьма спорной интерпретацией Летописи попа Дуклянина и Хроники Фомы Сплитского, сведения которых при этом абсолютизируются в ущерб данным других источников. Центральную роль в разрабатываемом И. Мужичем «умеренном» варианте «готской теории» играет предположение о сохранении готского населения в Далмации после победы византийцев над остготами. Так, на основании анализа сведений Летописи попа Дуклянина И. Мужич делает вывод о существовании в VI–VIII вв. на территории бывшей римской провинции Далмации «готославянского» политического образования с центром на территории современной Боснии. Комплексное использование разных типов источников, от вещественных памятников до антропонимов, позволило И. Мужичу предложить свое оригинальное решение проблемы роли готского элемента в этнической и политической истории протохорватов. Нашедшая отражение и в других работах автора, посвященных проблематике раннего хорватского Средневековья⁵, эта концепция И. Мужича является, пожалуй, наиболее

⁴ О «готской теории» см.: *Guldescu S. History of Medieval Croatia*. The Hague, 1964. P. 46–67, 317–320. См. также подбор материалов в книге: *Hrvati i Goti / Priredio: R. Tafra*. Split, 1996.

⁵ См., например: *Muzic I.* 1) *Goti ili Sklavi i nastajanje hrvatske države u Liburniji i među Dalmatima // Hrvati i Goti*. Split, 1996. S. 7–80; 2) *Slaveni, Goti i Hrvati*. Zagreb, 1997; 3) *Doseljenje, smještaj i pokršćavanje Hrvata prema izvorima // Hrvatska povijest*. Split, 2002. S. 5–69. — См. также комментарий И. Мужича к Хорватской хронике: *Hrvatska kronika / Priredio: I. Muzic*. Split, 2001.

солидной в современной историографии попыткой доказать достоверность известий Летописи попа Дуклянина и Хроники Фомы Сплитского в той их части, где излагается ранняя история хорватов.

Опираясь на результаты анализа сведений Хроники Фомы Сплитского о первоначально занятой хорватами горной области Куреция, по словам хрониста, граничащей с Далмацией с севера, Летописи попа Дуклянина о местоположении Белой Хорватии на Балканах, а также на сведениях ряда позднейших источников, также именующих Хорватией область, простирающуюся за Велебитским хребтом, И. Мужич выдвигает тезис, согласно которому первоначальным районом распространения этнонима «хорват» была континентальная часть позднеантичной провинции Либурия. Согласно И. Мужичу, подобная локализация первоначального хорватского «ядра» подтверждается и содержащейся в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» информацией о находящейся под управлением бана особой области Хорватского государства, охватывающей Лику, Гацку и Крбаву и, по интерпретации И. Мужича, территориально совпадающей с «Курецией» Фомы Сплитского. На территории «банской» Хорватии, которую И. Мужич, вслед за Н. Клаич, готов отождествить с «Белой Хорватией» трактата Константина Багрянородного⁶, хорваты, по мнению исследователя, могли проживать, по крайней мере, с середины VI века. Из первоначально населенных хорватами горных областей Либурии хорватское имя, согласно И. Мужичу, постепенно распространилось по всей территории этой провинции, а в конце VIII – начале IX в. хорваты стали расселяться и в приморских областях соседней Далмации, завладев этой территорией с санкции франков, зависимость от которых признали незадолго до этого. Детально проанализировав относящуюся к рассматриваемому региону географическую номенклатуру античных и раннесредневековых источников, И. Мужич приходит к заключению, что Либурия и Далмация еще в начале IX в. воспринимались как отдельные политические единицы, которые лишь при хорватском князе Борне (около 818–821 гг.) стали частями одного «государственного объединения». При этом И. Мужич не исключает и возможности дальнейшего сохранения политической обособленности Далмации и Либурии, ссылаясь на сообщение «Анналов королевства франков» о бегстве посавского князя Людевита в Далмацию «к Людемыслу», который, по И. Мужичу, в отличие от Борны мог быть правителем только Далмации.

Оставляя в стороне сомнительную локализацию «Белой Хорватии» императора Константина, которая в данном случае отнюдь не является ключевым моментом во всем построении, отметим, что аргументы И. Мужича достаточно весомы и наводят на серьезные размышления относительно проблемы первоначального размещения протохорватских поселений на территории Далмации в широком смысле слова. К сожалению, в историографии этой проблеме уделялось довольно мало внимания, во многом из-за господствовавшего убеждения в том, что хорватские переселенцы являли собой не что иное, как славянское племя (или группу славянских племен), образовавшее в Далмации «племенной союз» с поселившимися здесь ранее славянами. В настоящее время, когда все большее распространение получает взгляд на протохорватов как на относительно немногочисленное воинское сообщество, к тому же неславянского (скорее всего, тюркского и/или иранского) происхождения, проблема их первоначального поселенческого ядра, откуда могла расширяться

⁶ Такую локализацию «Белой Хорватии» труда императора Константина, будто бы являвшейся древней родиной хорватов, Н. Клаич предложила в своих последних работах. См., например: Klaić N. Pogańska Stara ili Vela Hrvatska cara Konstantina Porfirogeneta // *Croatica Christiana Periodica*. Br 21. Godište XII. Zagreb, 1988. S. 49–62.

зона их контроля над автохтонами и далматинскими славянами, приобретает дополнительную актуальность. Впрочем, даже если считать протохорватов славянами, в пользу концепции И. Мужича может свидетельствовать отмечаемое археологами относительно позднее — в конце VIII — начале IX в. — появление славянских древностей в приморской полосе, навещающее некоторых исследователей на мысль о длительном пребывании хорватов (=славян) в удаленных от моря внутренних районах Далмации⁷.

При всем том нам трудно согласиться с локализацией древнейшего ядра хорватского этнополитического организма в завелебитской Либурии. С идеей о том, что хорваты именно отсюда, пользуясь поддержкой франков, начали свою экспансию в приморские области Далмации, трудно согласовать скудость находок предметов франкского воинского снаряжения в районах, где локализуется область, находившаяся под управлением бана. Хотя этому обстоятельству в связи с недостаточной археологической изученностью данного района и нельзя придавать решающего значения, попытка локализовать именно на территории Лики, Гацки и Крбавы первоначальное ядро хорватского этнополитического организма представляется на этом фоне слишком рискованным. Неясным в случае локализации протохорватов на территории банской Хорватии становится и соотношение этнонимов «хорваты» и «гудусканы», как именуются во франкских источниках жители Гацки, входившей в состав «банской» Хорватии императора Константина. Напротив, есть основания полагать, что жители гористой банской области, представлявшие собой особый этнополитический организм, не входили в состав древнейшего хорватского политического образования и лишь позднее признали хорватского князя своим правителем, очевидно, сохранив при этом автономный статус⁸. Результаты археологических раскопок, склоняют к тому, что наиболее способная к экспансии сила — хорватский правитель и его дружинники — базировалась на территории между хребтом Велебит и рекой Цетиной, где в погребениях VIII–IX вв. обнаружено достаточно большое количество предметов франкского воинского снаряжения и где засвидетельствованы древнейшие упоминания этнонима «хорват», датируемые IX столетием. Более продуктивной, с точки зрения поисков ядра хорватского этнополитического организма, представляется нам гипотеза И. Мужича о Книне как главном политическом центре Хорватии IX века. В пользу раннего значения этого района, где во второй трети IX в. уже определенно фиксируется один из центров княжеской власти, свидетельствует открытая раскопками на некрополе в месте Црквина в Бискупии под Книном значительная концентрация принадлежавших, по всей видимости, дружинной знати погребений с предметами франкского вооружения. Как справедливо подчеркивает И. Мужич, из Книна хорватский правитель мог с успехом контролировать как далматинское приморье, так и район Либурии. Относительно удаленный от моря, район Книна, действительно, мог являться местом древнейшей хорватской поселенческой структуры. Вместе с тем не вызывает сомнения то, что, как и в случае с выводами И. Мужича о степени участия автохтонов в хорватском этногенезе, любой исследователь, занимающийся ранним хорватским Средневековьем, должен принять во внимание концепцию И. Мужича о расположении первоначального района расселения протохорватов на территории горной части Либурии. Ясно, что окончательно подтвердить или опровергнуть концепцию И. Мужича смогут лишь результаты дальнейших археологических раскопок на территории Лики, Гацки и Крбавы.

⁷ Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb, 1995. S. 123–125.

⁸ Алмасов Д. Е. «Borna dux Guduscanorum». К вопросу о характере княжеской власти в Далматинской Хорватии в первой четверти IX в. // Европа: Международный альманах. Вып. VI. Тюмень, 2006. С. 5–21.

Не менее интересным и провоцирующим дискуссии пунктом в предложенной И. Мужичем реконструкции этнополитической ситуации на землях Далмации в раннее Средневековье, является определение исследователем этнической принадлежности и политического статуса населения тех далматинских земель, которые в начале IX в. стали занимать пришедшие из Либурнии первоначальные носители этнонима «хорват». Согласно И. Мужичу, на территории между реками Зрмания и Цетина (т. е. там, где в IX в. располагалось политическое ядро Хорватского княжества) еще в конце VIII в. существовало самостоятельное этнополитическое образование, основным населением которого являлись далматы — этническая общность, хорошо известная античным авторам, причислявшим ее к иллирийским «племенам». Как полагает И. Мужич, первоначальные хорваты после франкского завоевания Либурнии и Далмации «особенно со второго десятилетия IX в.» стали составной частью общего политического объединения с далматами, сохранив, однако, «определенную политическую самостоятельность» в области первоначального проживания — «бановине». Часть хорватов стала, между тем, постепенно расселяться на землях далматов, «принеся с собой хорватское имя» (S.78). Подчиненные в IX в. протохорватами, но численно преваляровавшие над славянскими и протохорватскими пришельцами далматы, по И. Мужичу, еще долгое время сохраняли свою идентичность. Помимо уже упомянутых многочисленных свидетельств континуитета в культуре, а также данных антропологии и генетики, свидетельствующих о сохранении с античных времен основного этнического массива, И. Мужич привлекает к обоснованию своего тезиса свидетельство письменных источников, позволяющие, по его мнению, говорить о сохранении не только самого древнего населения провинции, но и его самоназвания. Дело в том, что упоминаемое во франкской анналистике и сочинении бенедиктинца Готшалка обозначение «*Dalmatini*» И. Мужич, вопреки распространенному мнению, относит не к славянам и хорватам, а к далматам, сохранившим, по его мнению, свою идентичность и спустя много веков после римского завоевания Далмации. Потомками древних далматов И. Мужич считает также «далматинцев», фигурирующих в титулах хорватских правителей X–XI веков⁹. Как бы ни относиться к этой, несомненно, смелой гипотезе (ее подробный разбор и критика требуют, разумеется, отдельного рассматривания), следует отметить, что и в данном случае И. Мужич касается проблемы, значение которой, как представляется, долгое время недооценивалось в историографии. Речь идет о проблеме соотношения друг с другом различных этнических наименований, употреблявшихся в источниках применительно к жителям западнобалканского региона в раннее Средневековье. К сожалению, до сих пор нет полной ясности в вопросе о том, какие наименования действительно относились к разным этническим общностям¹⁰, какие отражали присущие одной общности разные уровни этнического самосознания¹¹, а какие представляли собой появившиеся в ситуации восприятия общности извне этноиконы. Не отрицая важности изучения собственно традиции упот-

⁹ Проблема использования наименования «*Dalmatini*» в источниках IX–XI вв. подробно рассматривалась в предшествующих работах И. Мужича. См., например: *Mužić I. Hrvati i autohtonost*. S.249–283.

¹⁰ Так, Л. Маргетич склонен усматривать в попеременном использовании хорватского и славянского этнонимов в титулатуре хорватских правителей отражение борьбы между представителями двух правящих слоев — хорватского и славянского, будто бы происходившей в Хорватии во второй половине IX в. См.: *Margetic L. Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža)* // *Rad HAZU*. Knj. 487. Zagreb, 2003. S. 51–56.

¹¹ На недостаточную разработанность этой проблемы применительно к западнобалканскому региону в целом в свое время справедливо указывал Е. П. Наумов: *Наумов Е. П. К вопросу о разных уровнях этнического самосознания у южных славян: (Эпоха раннего средневековья)* // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей*. М., 1987. С.108–114.

ребления этнонима «*Dalmatini*» в письменных памятниках, отметим, что степень вероятности толкования, предлагаемого И. Мужичем, должна, как нам кажется, проясниться в результате комплексного изучения всех употреблявшихся в регионе в данную эпоху этнонимов, что, на наш взгляд, является весьма актуальной научной задачей.

И. Мужич оспаривает мнение, ставшее преобладающим в науке со времен М. Дринова, согласно которому упомянутые в 31-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» хорватские «архонты» Трпимир, Крешимир и Мирослав правили в первой половине X в., являясь преемниками Томислава. И. Мужич относит правление этих правителей к IX столетию, возвращаясь тем самым к старой историографической традиции, отождествлявшей «архонта» Трпимира, фигурирующего в трактате императора Константина, с носившим это имя хорватским правителем IX века, хорошо известным по другим источникам. Чем мотивирует исследователь столь радикальный пересмотр, казалось бы, уже давно устоявшейся в историографии датировки? Прежде всего, И. Мужич присоединяется к давно высказанным аргументам Г. Манойловича, согласно которым контекст сообщений 31-й главы о хорватских архонтах подразумевает не современную императору Константину ситуацию, а относительно далекое прошлое. Ссылаясь на новую и, надо заметить, весьма убедительную датировку грамоты Трпимира, предложенную Л. Маргетичем¹², И. Мужич отклоняет один из аргументов Ф. Шишича против ранней датировки, состоящий в том, что со времени составления грамоты Трпимира до начала правления Домагоя прошло слишком мало времени, чтобы помещать сюда правление Крешимира и Мирослава. По мнению И. Мужича, засвидетельствованная Готтшалком победоносная борьба Трпимира с «народом греков» хорошо согласуется и с известными императору Константину о военной мощи хорватов, которые, таким образом, следует относить к IX столетию. И. Мужич подчеркивает, что Трпимир II, соответствующий, по мнению большинства современных исследователей, Трпимиру из трактата императора Константина, не упоминается ни в одном из известных источников. Хронология правления хорватских «архонтов» выглядит, согласно И. Мужичу, следующим образом: Трпимир закончил правление около 850 г., после него приблизительно до 860 г. правил Крешимир, а затем четыре года, как о том сообщает император Константин, правил Мирослав (около 860–864/865 гг.), свергнутый баном Прибиной. Следует отдать должное И. Мужичу, справедливо указавшему на уязвимость господствующей в современной историографии хронологии хорватских правителей IX века. Вместе с тем нельзя забывать, что здесь, как и в случае со многими другими проблемами хорватского раннего Средневековья, мы можем говорить только о большей или меньшей вероятности того или иного из предложенных в историографии вариантов. Понятно, что пока в нашем распоряжении не окажется новых источников (их в виде эпиграфических памятников может дать археология), решающее значение имеют результаты анализа самого труда Константина Багрянородного¹³.

Освобождение Далматинской Хорватии от верховной власти франков И. Мужич, вопреки укоренившимся в историографии воззрениям, относит ко времени правления Мислава. Об этом, по мнению исследователя, свидетельствует самостоятельная роль этого правителя

¹² См.: *Margetic L.* 1) *Bilješke uz Trpimirovu ispravu* (CD 1, 3–8) // *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu*. God. 30. Br. 1. Split, 1993. S. 48; 2) *Bilješke u vezi s nastankom hrvatske drzave u 9. stoljecu* // *Etnogeneza Hrvata*. Zagreb, 1995. S. 145–146.

¹³ В новейшей историографии продолжается дискуссия о том, каким образом составлялся трактат «Об управлении империей». Сравнительно недавно с новыми результатами выступил Дж. Ховард-Джонстон, отнесший создание разделов, составивших ядро трактата, к началу X в. См. об этом: *Джаскон Т. Н.* [Рец. на кн.:] «*Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* / Ed. Par M. Kazanski, A. Nereessian et C. Zuckerman. Paris, 2000» // *Древнейшие государства Восточной Европы*. М., 2003. С. 391–392.

в заключении мирного договора с Венецией в 839 г. Придавая большое значение именованию Трпимира королем в сочинении Готтшалка, И. Мужич считает возможным именовать королями Трпимира, и являвшихся, согласно И. Мужичу, его преемниками Крешимира и Мирослава. Мислава и других предшественников Трпимира И. Мужич именует банами, полагая, что латинский термин «dux» соответствует в данном случае хорватскому титулу «бан». Идея переводить латинский титул «dux» хорватским словом «бан» уже давно высказывалась в хорватской историографии, хотя имела скорее характер простой догадки. У И. Мужича подобный перевод во многом вытекает из его концепции, основанной на данных Летописи попа Дуклянина, о существовании в VI–VIII вв. на территории современной Хорватии и Боснии и Герцеговины «готославянского» политического образования, одной из составных частей которого являлась хорватская бановина в горной части Либурии. В латинской редакции Летописи прямо говорится о том, что «бан» — это то же, что «dux», на что, главным образом, и ссылается И. Мужич, предлагая именовать древнейших хорватских правителей банами. Понятно, что именовать хорватских правителей банами можно, лишь считая банскую область местом, где зарождалась хорватская государственность, что, как уже говорилось выше, вряд ли соответствует действительности. Однако справедливости ради следует заметить, что распространенное в современной историографии мнение о том, что древнейшим хорватским обозначением правителя был славянский термин «князь», основывается только на свидетельствах позднейших источников, освещавших реалии уже зрелого Средневековья, а также на аналогии с другими славянскими странами. Ясно, что при этом не принимается во внимание различие между позднейшими носителями этнонима «хорват» и собственно протохорватами, которых, таких образом, априорно относят к славянам. Остается констатировать, что на основании имеющихся источников определить древнейший хорватский эквивалент латинскому обозначению «dux» (также как и греческому «архонт»), как именовались хорватские правители VII–X вв. в византийских источниках) не представляется возможным.

И. Мужич принадлежит к числу исследователей, считающих на основании известий Фомы Сплитского, что среди протохорватов было распространено арианство. Как известно, в IV в. церковные центры Паннонии и, прежде всего, Сирмий были важными очагами арианства. Распространенность арианства на территории Паннонии и Далмации во времена готского владычества также не вызывает больших сомнений. Вместе с тем тезис о распространенности арианства среди самих хорватов основывается исключительно на сведениях Хроники Фомы Сплитского. В современной историографии сведения Хроники Фомы Сплитского об арианстве у хорватов интерпретируются обычно как следствие легенды об их готском происхождении, идеологическая подоплека которой связана с церковной полемикой времен усиления глаголяшского движения. Но для И. Мужича, склонного усматривать в известиях Хроники отражение реалий раннего Средневековья, исповедание протохорватами арианства также представляется весьма реальным. Так, одним из результатов сохранения у хорватов древней арианской традиции, бытовавшей у готов и некоторых других германских народов, у которых существовал свой епископ, находившийся при королевском дворе и осуществлявший церковную власть над всем своим народом, И. Мужич считает существование в раннесредневековой Хорватии особого «хорватского епископа». Влиянием арианских традиций объясняет И. Мужич и приверженность хорватского клира богослужению на народном языке, вызвавшую в годы церковных реформ XI в. драматический раскол в рядах хорватского духовенства. Подмеченные И. Мужичем интересные аналогии в церковной жизни средневековой Хорватии и некоторых «варварских» королевств, где получило распространение

арианство, все-таки мало о чем говорят на фоне отсутствия сколько-нибудь прочных свидетельств существования арианства в раннесредневековой Хорватии. И, в то же время, мы не находим оснований, по которым гипотезу И. Мужича об арианстве можно было бы «с порога» отвергать. Коль скоро мы признаем возможность сохранения остатков готского населения на территории Далмации к моменту прихода сюда славян и хорватов, мы не можем исключать и возможного воздействия на пришлое население готских арианских традиций. Рассматривая возможность длительного сохранения арианских традиций на территории Далмации, а также Посавской Паннонии, И. Мужич уделит много внимания ряду важных особенностей религиозной ситуации в средневековой Хорватии. Следует констатировать, что многие из них до сих пор не получили удовлетворительного объяснения. Не исключено, что ответ на этот вопрос позволит получить как раз развиваемая И. Мужичем концепция автохтонного происхождения наиболее многочисленного этнического элемента из числа тех, что участвовали в хорватском этногенезе. Хотя в историографии последних лет не отрицается сохранение на территории, оказавшейся под контролем славян и хорватов, христианских общин автохтонного населения, исследователи обычно пренебрегают возможностью воздействия их на дальнейшую церковную жизнь Хорватии, вследствие господствующего представления об их малочисленности. Если же доля автохтонов, среди которых, как известно, было в довольно значительной степени распространено христианство, была, действительно, столь велика, как полагает И. Мужич, некоторые известные нам явления церковной жизни средневековой Хорватии могут предстать перед нами в ином свете, нежели прежде. На религиозную практику местного населения могла, например, оказать влияние длительная изоляция оказавшихся в языческом окружении христианских общин от прибрежных городов. С наличием большого числа христиан-автохтонов, возможно, связана и еще одна интересная особенность религиозной ситуации в раннесредневековой Хорватии — отсутствие сколько-нибудь заметного сопротивления введению христианства в годы активной деятельности в Хорватии франкских миссионеров. Хотя христианство в среде хорватской верхушки могло, как нам представляется, сохраняться еще со времен описанного Константином Багрянородным крещения хорватов в VII веке, концепция И. Мужича способна дать еще одно заманчивое объяснение специфики религиозной ситуации в раннесредневековой Хорватии.

Мы остановились здесь лишь на наиболее значимых, с нашей точки зрения, пунктах обширной работы И. Мужича, которые непременно вызовут полемику — надеемся, плодотворную — в историографии. Однако за этими сквозными темами нельзя упускать из виду крайне интересные результаты, достигнутые исследователем по так называемым «частным» вопросам хорватской истории. Так, важным вкладом в изучение христианизации хорватов (полагая, что первоначальные хорваты являлись арианами, И. Мужич использует термин «*pkatolicavanje*») является соответствующий раздел книги И. Мужича, где исследователь особо останавливается на некоторых до сих пор не решенных вопросах, в частности, на проблеме происхождения известий о нинских епископах VII–IX вв., содержащихся в труде задарского историка XIX столетия К. Ф. Бианки «*Zara Cristiana*»¹⁴. В историографии эти известия обычно игнорировались как неподтвержденные и крайне сомнительные. Между тем излишне говорить о том, насколько важно было бы выяснить источник этой информации. Надеемся, что усилия, предпринятые в этом направлении И. Мужичем, будут стимулировать дальнейшие поиски, чтобы выяснить, наконец, источник этих данных.

¹⁴ *Bianchi C. F. Zara Cristiana. Vol. II. Zara, 1879. S. 198–201.*

